

Текст · 1 октября 2019, 14:50

Егор Сковорода,

«Основной нарратив был о том, что журналист — он никто». Ужас и подавленность на курсах Минобороны для военных репортеров

С 1 сентября в России вступили в силу поправки к закону «О средствах массовой информации», дополнившие его [статьей 47.1](#) (выполнение поручения редакции в особых условиях).

Законопроект [был внесен](#) в Госдуму еще летом 2014 года. «Представители российских СМИ объективно освещают события на Украине. Наши журналисты работают в особых условиях в зоне боевых действий. Гибель российских журналистов на Украине стала системой. Угроза жизни, цензура, постоянное давление со стороны украинских властей ущемляет свободу слова и доступ к информации», — говорилось в пояснительной записке. Рассмотрев проект в первом чтении к зиме 2015 года, Госдума вернулась к нему только в декабре 2018-го — и уже 27 декабря закон [подписал](#) президент.

Новая статья закона «О СМИ» должна защищать журналистов, которые работают «в особых условиях» — в районах боевых действий и вооруженных конфликтов, на территориях, где введено военное положение или режим контртеррористической операции. Она предполагает, что редакция выплачивает компенсации в случае гибели или

ранения корреспондента и покрывает его расходы в непредвиденных ситуациях.

Кроме того, издание обязано «обеспечить и финансировать обучение сотрудников редакции мерам безопасности» перед тем, как отправлять их в зону конфликта. Без сертификата о прохождении такого обучения журналиста — во всяком случае, сотрудника государственного медиа — больше не отправят в зону вооруженного конфликта, говорит корреспондент РИА «Новости» Свят Павлов.

«Я работаю вообще на ночном выпуске новостей, занимаюсь в основном международной. И периодически езжу в командировки, в том числе, иногда и в горячие точки. Я был в Сирии в этом году, полтора месяца там работал», — рассказывает он.

Павлова и еще нескольких сотрудников РИА редакция направила на учебно-практические курсы [«Бастион»](#) — они существуют с 2006 года и организованы Союзом журналистов Москвы при участии Минобороны и других силовых ведомств. Новости о прошедших курсы журналистах регулярно [появляются](#) на сайте Национального антитеррористического комитета (НАК).

«Курсы способствуют укреплению партнерства, сотрудничества и улучшению взаимопонимания СМИ с армией и силовыми структурами, формируют у журналистов знания и навыки, которые помогут им при выполнении заданий редакции оставаться невредимыми и в трудный момент оказать помощь своим коллегам», — [говорится](#) в опубликованном НАК отчете об учениях для журналистов, которые

прошли в 2015 году на базе 810-й отдельной бригады морской пехоты Черноморского флота в Севастополе.

Через четыре года на той же военной базе оказался и 30-летний Свят Павлов с коллегами.

Курсы спецподготовки журналистов «Бастион» в Севастополе. Фото: nae.gov.ru

Армия-армия. «Реально прочувствовать ужас людей, на себе ощутить состояние подавленности»

«Слушатели обеспечиваются комфортабельным жильем в одно- и двухместных номерах и трехразовым питанием в офицерской столовой. Предусмотрен кофе-брейк», — так **описывают** курсы «Бастион» на сайте Союза журналистов Москвы.

Святу Павлову, который вместе с коллегами приехал в Севастополь 15 сентября, реальность показалась несколько иной. «Для меня сразу стало откровением, что мы будем жить в казарме по воинскому распорядку, передвигаться по части исключительно строем с товарищем старшим сержантом. Мы все

ходили там строем — в столовую, на занятия, еще куда-то», — вспоминает он.

На курсы собрались около 30 человек, часть — из РИА «Новости» и других проектов ФГУП «Россия сегодня», остальные — сотрудники крымских изданий. Журналистов и журналисток — среди участников было несколько девушек — поделили на два взвода. Покидать территорию части им запретили. «Такая армия-армия с первого дня началась. Я, естественно, немного офигел, потому что меня никто об этом не предупреждал — не только я, но и остальные коллеги тоже», — говорит Павлов.

Подъем в 6:30, зарядка, утреннее построение. «Уже во вторник, 17 сентября, у нас была какая-то утренняя вот эта проверка, и старший сержант начал ходить, осматривать у всех кровати и орать на всех, у кого, на его взгляд, заправлена неправильно кровать, — вспоминает журналист. — Начал орать на меня. Я не вытерпел, какого хера какой-то чел просто ходит и орет. Я говорю все, с меня хватит, я сваливаю. Звоню руководству. И тут я совершил главную ошибку, о которой раскаиваюсь до сих пор. Мне начальство сказал: "Ну, тебе же нужен этот сертификат? Ну, терпи. Короче, ничего страшного. Заправляй кровать, как понравится старшему сержанту". И я согласился, и зря совершенно».

Первые два дня были целиком заняты лекциями, содержание которых не показались Павлову сколько-нибудь полезным: «Основной нарратив лекций был о том, что журналист — он никто, он

ничего не может и ничего не знает, и все ему нужно согласовывать с силовиками. Я офигевал».

В среду, 18 сентября, начались практические учения: «По легенде учений, мы едем в грузовике "Урал", и на нас нападают условные террористы, начинают стрелять. Суть в том, что нам вообще не объяснили, что надо делать, как. Товарищ сержант сказал нам: вот этот раненый и тот раненый — все, стрельба началась».

Роль террористов играли морпехи. «Они нас реально там приложили прямо в камни мордой, — рассказывает Павлов. — Всех разложили, пнули по несколько несколько раз ногой по телу, меня пнули два раза. В общем, довольно жестко всех приняли. И все, учения окончились. Мы вдвойне охерели: "А почему они нас бьют? Учения же это не когда бьют людей, это же учения, в конце концов"».

Он подчеркивает, что до начала курсов никто не предупреждал журналистов о том, как они будут проходить; согласия на обучение подобными методами у них никто не спрашивал.

«Важно, что полученные знания слушатели курсов могли проверить на практике, — говорится в отчете об учениях 2015 года на сайте НАК. — На полевых занятиях для слушателей моделировались экстремальные условия. <...> Эмоционально-психологический накал занятий позволил обучаемым реально прочувствовать ужас людей, оказавшихся в руках террористов, на себе ощутить состояние подавленности, понять основные

правила, которыми должен руководствоваться человек, оказавшийся в таком положении».

Один из потоков курсов спецподготовки журналистов «Бастион». Фото: smi-antiterror.ru

«От морпеха не убежишь». Лекция председателя Союза писателей России, прыжок в окно, мешок на голову, стрельба, кровь

Следующий день начался лекцией Николая Иванова — отставного военного и председателя [Союза писателей России](#), который в 1996 году провел четыре месяца в плену у чеченских сепаратистов. «Он рассказывал, как его там били и унижали в Чечне, — говорит Павлов. — Я начал уже соображать, к чему все это идет, и как-то пересел ближе к окну. Посреди лекции забегают эти морпехи, начинают всех укладывать мордой в пол и ***** [бить]. Я выпрыгнул в окно. И побежал по территории воинской части».

«Но по территории воинской части особо от морпеха не убежишь, — констатирует журналист. — Меня

морпех положил мордой в асфальт и дотащил до лекционного зала обратно. Там всех нас положили мордой в пол, надели на голову мешки, попинали по ребрам».

Все это время, вспоминает Павлов, условные террористы стреляли над головой у заложников холостыми: «Это не очень приятно — когда рядом с тобой заряжают очереди, у тебя еще мешок на голове, ты задыхаешься и одновременно тебя пинают ногами. Такая ситуация».

Потом захваченных журналистов с холщовыми мешками на головах повезли на полигон: «Тут начались уже какие-то истязания настоящие: нас положили в автобус, там пинали, все задыхались в этих мешках. И еще ими поддушивали периодически. Орали, угрожали, что "вам ***** [конец], мы вас убьем, будешь сотрудничать, не будешь сотрудничать", что-то такое».

На полигоне, говорит Свят Павлов, захваченных заставляли ползать по камням с мешками на голове — «на коленях, на локтях, на карачках, как угодно, и при этом пинали постоянно».

«Мне еще относительно повезло в плане того, что с меня сняли этот мешок, потому что я начал задыхаться в нем и терять сознание, — рассказывает он. — У меня было сбито дыхание, потому что до этого я бегал по части от этого. И я прямо начал задыхаться, у меня стало темнеть в глазах, с меня сняли мешок и сказали: "Ну, ты убит". И дальше пошли остальных мучать, где-то полчаса. Их поливали бараньей кровью, стреляли над головами,

заставляли прыгать-отжиматься — короче, полный какой-то ад. Как "Цельнометаллическая оболочка", только по-настоящему».

Embed Wrapper Not Realised

Embed WrapperYT Not Realised

Embed YT Not Realised

Embed Comment Not Realised

На этом занятия в тот день окончились: «Пришел полковник, провел зарядку — зарядку! Этот полковник называет себя военным психиатром, зовут его Алексей Захаров». Именно приехавший из Москвы Захаров, по словам Павлова, руководил курсами. На сайте «Бастиона» его называют директором специальных программ московского Центра защиты от стресса.

«Основной его нарратив был в том, что настоящие террористы будут вас избивать и издеваться над вами еще сильнее, вы даже себе не представляете, как, поэтому вы должны быть к этому готовы. Поэтому мы вас побьем и поиздеваемся над вами немножко», — вспоминает Павлов. После учений, говорит он, никто не разбирали с журналистами их ошибки и не объяснял, как лучше действовать в подобной ситуации: «Все было из серии, что нужно во всем соглашаться с террористами, но лучше не соглашаться с ними, потому что это террористы. Примерно так».

Ближе к вечеру, после занятия по оказанию медпомощи, журналистов отвезли обратно в часть. Там их ждал писатель Иванов, который продолжил свою прерванную захватом лекцию: «Он говорил, что

вот вас помучали пару часов, а меня так три месяца мучали — то есть полный абсурд».

Сразу после захвата, говорит Павлов, один из участников покинул курсы: «Ушел парень из Севастополя, потому что у него какие-то проблемы со здоровьем начались». Медицинскую помощь побывавшим в заложниках оказывать не стали: «Там одной девушке порвали ухо, потому что у нее там была сережка на ухе — у нее оторвали сережку и все, ухо порвано. Другую девушку с истерическим припадком увезли на скорой. Какому-то парню из арабской редакции отбили ребра, у меня была разбита морда и тело. Пострадавших было много. Мой коллега пошел в лазарет, попросил оказать ему помощь, но ему там сказали: "Тебя били профессионалы, все у тебя должно быть хорошо"».

«И мы с этим коллегой решили свалить оттуда в тот же день. Потому что не хотели, чтобы на следующий день нас вообще убили там», — рассказывает Свят Павлов.

Журналисты позвонили в редакцию: «Начальство очень флегматично на все это отреагировало — хотите уезжать, уезжайте, никаких проблем. Нам поменяли билеты, мы свалили, как только смогли, из казармы, переночевали в хостеле в Севастополе, утром поехали в Симферополь и улетели в Москву».

«Остальные остались, — замечает он. — Но остались только потому, что многие люди, они не только работают в горячих точках, но и там живут. То есть для них отсутствие сертификата и диплома фактически лишает возможности работать на РИА

там — условно говоря, в Донбассе, в Сирии, в Ливане и так далее».

Свят Павлов со следами побоев. Фото: личная страница в Facebook

«Это почти сто процентов увольнение с работы». Заявление

В Москве Свят Павлов обратился к врачам, которые зафиксировали у него множество ссадин и ушибов на грудной клетке, руках, ногах и лице, ушиб мягких тканей головы и сотрясение мозга.

«Я пошел пообщаться с нашим начальством, оно сказало: ну, на хоккее же травмы бывают? Вот это как на хоккее. Лечение тебе оплатим — хотя лечение и так по ДМС идет по большей части — ну и типа забудь. Забей. Как-то так», — говорит Павлов.

Он не захотел «забывать» и решил подать заявление на организаторов курсов и тех, кто его бил.

Сегодня журналист и его адвокат Леонид Соловьев из «Зоны права» обратились в Главное военное следственное управление Следственного комитета России. В своем заявлении Павлов просит возбудить уголовное дело по статье 286 УК (превышение должностных полномочий) «в отношении лиц, причастных к причинению мне вреда здоровью и моральных страданий», установить тех, кто отдавал соответствующие приказы и исполнял их.

Второй пострадавший, который покинул курсы вместе со Святом Павловым, по его словам, ничего предпринимать не собирается. «Потому что если что-то по этому поводу делать, это почти сто процентов увольнение с работы, и поэтому никто не собирается ничего делать, кроме меня», — говорит Павлов.

Редактор: Дмитрий Ткачев